

О. С. АХМАНОВА

О ПОНЯТИИ «ИЗОМОРФИЗМА» ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
КАТЕГОРИЙ*(В связи с вопросом о методе лексикологического исследования)*

Вопрос об «изоморфизме» лингвистических категорий затрагивался уже на страницах журнала «Вопросы языкознания», но только попутно, в связи с изложением более общих вопросов¹. Возрастающий интерес к вопросам метода лингвистического исследования вообще и лексикологического исследования в частности (особенно в связи с не преодоленным еще отставанием теоретической лексикологии от других языковедческих дисциплин — фоетики и грамматики) заставляет подвергнуть этот вопрос специальному рассмотрению.

Как известно, последние 20—25 лет развития идеалистического языкознания характеризуются тем, что неососюррианство (лингвистический структурализм) вновь и вновь возвращается к идее создания единого метода языковедческого исследования, одинаково применимого для фоетики, грамматики, лексикологии, стилистики, диалектологии и т. д. Взятые в целом поиски единого метода лингвистического исследования обосновываются следующими соображениями. Современная наука вообще якобы тяготеет к структурализму, т. е. стремится к разработке таких методов и приемов, которые давали бы возможность создавать схемы, пригодные для описания очень широких классов и разновидностей явлений на основе установления однотипности отношений между ними. Иначе говоря, современная наука характеризуется тем, что она перешла от изучения отдельных явлений в их конкретной индивидуальной реальности к рассмотрению наиболее общих отношений между ними. Есть даже ученые, которые считают, что вообще можно говорить о любой области человеческого знания как о науке только тогда, когда она достигла этого этапа в своем развитии, т. е. перешла от рассмотрения отдельных явлений к отысканию метода удобного и универсального описания общих однотипных отношений².

Вопрос о перестройке также и гуманитарных наук на структуралистической основе имеет не менее чем пятидесятилетнюю давность. В ряде случаев его постановка характеризуется подчеркиванием необходимости отвлечения от реальности, от материальности, от индивидуальной кон-

¹ См.: А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О курсе «Общее языкознание», ВЯ, 1953, № 4, стр. 74; О. С. Ахманова, Глоссематика Луп Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, ВЯ, 1953, № 3, стр. 39—41; В. ч. В. с. И в а н о в [Рец. на кн.:] J. Kurylowicz, L'accentuation des langues indo-européennes, ВЯ, 1954, № 4, стр. 125—126.

² Так, например, в физике волновое уравнение одинаково успешно применяется для описания как электромагнитного, так и акустического поля (несмотря на то, что физически электромагнитное и звуковое поле представляют собой два вполне определенно различающихся объекта).

кретной специфики исследуемых явлений как вторичных (производных, несущественных и т. п.) и концентрации внимания на отношениях между ними как первичных (объективных, составляющих основу научного познания и т. п.). Именно этим характеризовалась, например, борьба Э. Гуссерля за «научную логику» (собственно — «формальную онтологию»), противопоставлявшуюся им старой «эмпирической логике». В своих известных «Логических исследованиях» Гуссерль стремился доказать, что если «индивидуальные» истины содержат эксплицитно или имплицитно утверждение о фактическом существовании отдельного и индивидуального, то «всеобщие» истины от этого изобавлены, и, таким образом, логическая истина не может зависеть от данных эмпирических условий, а выступает как всеобщая и необходимая¹.

В связи с изложенным остановимся на выяснении следующего, в высшей степени существенного для языкознания вопроса: чем объясняется то, что в области естественных наук структуралистическая методика, связанная с неограниченным применением универсального математического аппарата, повидимому, настолько себя оправдала, что применяется всеми современными специалистами в данной области независимо от того, каким является их общефилософское мировоззрение, тогда как в языкознании структурализм не только не получил общего признания, но, напротив, активно отрицается как открыто идеалистическое направление в языкознании лингвистами, подходящими к исследованию языка с позиций философии диалектического материализма. Вместе с тем его совершенно игнорируют многие из наиболее известных исследователей конкретных языков независимо от их принадлежности к тому или другому лингво-философскому направлению². Вопрос о структурализме в языкознании осложняется еще и тем, что эта дисциплина стоит как бы на стыке гуманитарной и точной областей знания: как известно, например, звуки языка и вообще его фонетическая система плодотворно изучаются физическими методами. Поэтому если принять, что структуралистическое исследование является правильным и научным для области точного знания и непригодным и антинаучным для спекулятивных дисциплин, то надо будет заключить, что в той мере, в какой язык поддается точному анализу физическими методами, структурализм окажется правильным научным методом исследования этой сложнейшей области знания; в той же мере, в какой лингвистика выходит за пределы, достижимые для физического исследования, методы структурализма перестают быть надежным средством научного исследования и становятся не только совершенно неприемлемыми, но и просто вредными, искажающими предмет, представляющими его в механистически изуродованном виде.

¹ См.: E. Husserl, Logische Untersuchungen, Bd. I, 3-e Aufl., Halle, 1922, особенно главы 11 — Die Idee der reinen Logik, где читаем: «... was Wissenschaft zur Wissenschaft macht, und das ist jedenfalls nicht der psychologische und überhaupt reale Zusammenhang, dem sich die Denkkate einordnen, sondern ein gewisser objektiver oder idealer Zusammenhang...» и т. д. (стр. 228) и далее: «Einheit der Erklärung bedeutet also theoretische Einheit, das heisst... homogene Einheit der begründenden Gesetzmäßigkeit, letztlich homogene Einheit der erklärenden Prinzipien» (стр. 233).

² Так, например, небезинтересно указать на то, что фундаментальные исследования П. Скаутрупа (P. Skautrup, Det Danske Sprog Historie, København, 1944—1953), законченное в 1943 г. в Орхусе (Aarhus), в Дании, т. е. в том же году, когда подготовленная там же, т. е. в Орхусе, из печати вышла работа Ельмслева (L. Hjelmslev, Omkring Sprogteoriens grundlaeggelse, København, 1943), настолько не имеет ничего общего с этой последней в области применяемой методики лингвистического исследования и описания, что эти две работы могли бы быть написаны на разных планетах.

*

Отправной точкой для разработки «изоморфического метода» в языкознании явились достижения современной фонологии. При этом дело нередко сводилось к более или менее механическому перенесению методов современного фонологического исследования на другие стороны языка, конкретно — на грамматику и словарный состав. То, что имеющиеся попытки такого перенесения нельзя считать убедительными, не является еще доказательством принципиальной неприменимости метода изоморфизма, тем более, что и сами авторы этих попыток обычно предупреждают об их экспериментальном характере, об общей неразработанности применяемой методики и т. п.¹ Кроме того, вообще существенно при обсуждении того или другого общего принципа или метода тщательно отграничивать сам этот принцип или метод, его общую методологическую и теоретическую основу от того или другого частного случая его использования, поскольку то или другое неудачное его применение не свидетельствует еще о непригодности метода в целом. Поэтому в дальнейшем наше внимание будет сосредоточено на общих теоретических предпосылках «лингвистического изоморфизма».

Теоретической базой методов современного неососсюрианства (структурализма) является учение Ф. де Соссюра о природе лингвистических единиц, исходящее из понятия их тождества и различия как основы для определения их реальности и значимости². Конкретно поэтому дело заключается в том, чтобы посмотреть, насколько современное структуралистическое языкознание преуспело в разработке такого метода, который позволял бы в точно определенных условиях сводить две или более единицы к одной, т. е. отождествлять их друг с другом или же, наоборот, показывать их несводимость, нетождественность и, следовательно, противопоставлять их друг другу.

Наиболее последовательным методом отождествления лингвистических единиц, сведения («редукции») их множества или многообразия к единству является метод вариантов-инвариантов Ельмслева³. При этом исходят из того, что устоями (*grundpiller*) системы языка являются ее предельные или простейшие элементы. Основной задачей лингвиста, следовательно, является обнаружение этих простейших элементов, «основных устоев» системы, путем «редукции» всех наличных языковых элементов до наименьшего возможного их числа. Но это связано со значительными трудностями, так как реально в р е ч и (по глоссематической терминологии, в «тексте») эти простейшие элементы как таковые не даны.

¹ Ср., например, заключительную часть работы Е. Куриловича (*J. K u r i o w i c z*, *La notion de l'isomorphisme*, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague» (TCLC), vol. V, 1949), где он указывает на трудности популяризации предлагаемой методики, находящейся еще в экспериментальной стадии (*à ses débuts*).

² «Весь лингвистический механизм обращается исключительно вокруг тождеств и различий, причем эти последние — только оборотная сторона первых» (Ф. де Соссюр, *Курс общей лингвистики*, М., 1933, стр. 109).

В дальнейшем изложении вопрос о тождестве и различии будет трактоваться только в собственно-лингвистическом плане. Трактовку вопроса о тождестве в логическом позитивизме см. у У. Саарнио (*U. S a a r n i o*, *Untersuchungen zur symbolischen Logik*, I, Helsinki, 1935).

³ См. Л. Н j e l m s l e v, указ. соч., стр. 55—68. Вкратце принципы исследования на основе понятий варианта-инварианта были изложены в уже упоминавшейся статье О. С. Ахмановой «Глоссематика Луи Ельмслева...» (стр. 41—42).

В речи они выступают лишь в виде отдельных своих «манифестаций», или «экземпляров», которые обозначаются общим названием вариантов (в отличие от инвариантов, т. е. соответствующих представителей данных вариантов уже в плане идеалистически понимаемой системы *я з ы к а*).

Понятие варианта достаточно известно в языкознании в применении к фонологии, где вариант фонемы противопоставляется фонеме (применяя терминологию глоссематики, фонему можно обозначить как «инвариант в плане выражения»). Различение вариантов и инвариантов в области звуковой системы языка уже очень давно используется в практике. Как известно, разработка буквенного письма непременно предполагает сведение бесконечного многообразия звуков, реально воспроизводимых при общении на любом языке, к ограниченному числу единиц, более или менее условно обозначаемых выбранными «графемами». При обучении фонетике также оказывается невозможным обойтись без сведения всего многообразия реальных звучаний к ограниченному числу «инвариантов». Так, например, при описании ударного вокализма современного русского языка приводится только 5 гласных звуков (*о, а, у, э, и*), хотя число реально произносимых и физически отличных ударных гласных звуков в этом языке значительно больше; «имплицитное» применение метода варианта-инварианта лежит в основе того, что, например, одной и той же буквой *а* обозначаются такие фонетически различные единицы, как более открытое [а:] заднее в *палка* и переднее [χ] в *пять*. Звуки [а:] и [χ] в этих словах выступают как варианты или экземпляры одного и того же инварианта — фонемы *А*, не нарушающие ее лингвистического тождества. В системе же, например, английского языка аналогичные фонетические различия не поддаются «редукции», «сведению» к одному инварианту. По законам фонологической системы английского языка [а:], например, в *father* и [χ], например, в *fat* выступают как два отдельных инварианта, как две ф о н е м ы.

Поскольку необходимость различения вариантов и инвариантов в области фонетики не вызывает никаких сомнений и, более того, лежит в основе крупных достижений современной фонологии, не естественно ли поставить вопрос о возможности распространения метода вариантов-инвариантов на изучение всех сторон и всех единиц языка? Не следует ли разработать такой метод лингвистического исследования, который позволял бы единообразно описывать на основе изоморфизма всех лингвистических категорий не только звуки, слоги, морфемы и слова, но и предложения и даже «периоды» языкового текста? В самом деле: нет как будто бы никаких оснований не признавать, абстрактно рассуждая, вполне определенную аналогию между, например, вариантами фонемы *а* и лексико-семантическими вариантами слова *стол*. В общепhilософском плане эти явления языка имеют существенно общее: точно так же, как фонема (или инвариант) *а* не дана в непосредственном речевом опыте как таковая, а только в виде одного из своих вариантов (или «экземпляров») — [а:], [а], [χ] и пр. и лексема (или инвариант) *стол* реально встречается, воспроизводится в речи не как таковая, а как «стол», или «стола», или «столу», или «столами» и пр. При этом данная лексема встречается каждый раз не только в той или другой грамматической форме, но и в том или другом лексико-семантическом своем варианте (или «значении»), т. е. со значением «питание», или «предмет обстановки», или «отделение в учреждении» и др.¹ Расширяя область примеров, можно обратиться

¹ Иначе говоря, в виде той или иной «глоссы», по терминологии А. И. Смирницкого: «... под глоссой мы будем... понимать любую языковую единицу, представляющую собой одно определенное слово в том или другом его варианте (если данное слово имеет варианты) и в одной определенной грамматической форме».

внимание также и на то, что сравнительно-историческим методом, строго говоря, восстанавливаются лишь определенные варианты морфем: реконструированные морфемы языка-основы, формы «под звездочкой» — уже результат научной абстракции, инвариант, полученный путем сопоставления («совмещения») непосредственно восстановленных вариантов.

Но, может быть, не имеет смысла вообще рассматривать все эти вопросы потому, что понятие изоморфизма и метод вариантов-инвариантов предлагаются идеалистическим языкознанием — современным неосоциализмом-структурализмом, а потому не могут быть научными и заранее должны быть объявлены непригодными в качестве основы для конкретного лингвистического исследования? Думается, что так просто решить этот вопрос нельзя, так как необходимо отличать и не смешивать, с одной стороны, общеполитическое мировоззрение того или другого ученого, а с другой — применяемый им конкретный метод, конкретную сумму приемов для исследования своей специальной области.

Выше уже было сказано о том, что одним и тем же математическим аппаратом пользуются и не могут не пользоваться физики различных убеждений. Пусть идеалистическое изображение «языка» как системы инвариантов, противопоставляемых «речи» как набору вариантов или экземпляров [в которых «реализуется» или «материализуется» язык, существующий идеально до речи и независимо от нее, т. е. независимо от того, существуют или не существуют какие-либо речевые произведения («тексты») на этом языке], дает искаженное представление об истинном положении дела, так как на самом деле первичным, исходным является именно «текст», реально существующие произведения речи, вся совокупность реальных вариантов, которые только потому и существуют, что вновь и вновь воспроизводятся в речи, в общении людей посредством языка¹. Инвариант как общее не может существовать до вариантов, до отдельного, а существует только в той мере, в какой существуют варианты в них и через них².

Идеалистическая философия, которая дает превратное представление о соотношении общего и отдельного, не понимая диалектики этого соотношения, не может служить основой для глубокого проникновения в сущность языка и его категорий. Однако метод варианта-инварианта как частный специальный прием, теоретически рассуждая, может использоваться и без глубокого проникновения в то или другое его философское обоснование. Ведь есть целый ряд частных приемов в языкознании, применяемых лингвистами независимо от принципиального расхождения их общеполитических убеждений. Так, например, сравнительно-историческим методом как специальным приемом восстановления незафиксированных письменностью прошлых языковых фактов пользовались и пользуются лингвисты самой различной общей ориентации.

Все изложенное подводит нас к следующей постановке вопроса: пусть лингвистический структурализм в целом, т. е. в общеполитическом плане, неправильно, идеалистически понимает соотношение языка и речи, считает инвариант первичным, существующим идеально, до своей реализации в звуковой материи, и т. п. Но идеалистическое сословское понимание соотношения языка и речи не помешало же, например,

ме (или же — в единственном его оформлении, если данное слово грамматически не изменяется) (А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), [ч. 2], «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 12).

¹ Подробно об этом см. А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, [М.], 1954, стр. 8—29.

² Ср. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

старой «пражской лингвистической школе» достичь больших и несомненных успехов в области фонологии. Не может ли и современный структурализм, несмотря на свой идеалистический характер, разработать и применить к изучению грамматики, лексикологии, стилистики и т. п. частные методы и приемы, которые были бы столь же точными и надежными, как методы фонологического исследования?

На этот вопрос следует сразу же ответить отрицательно, и вот из каких соображений. Дело в том, что такие лингвистические единицы, как морфемы, слова и словосочетания, выступающие в функции слов, принципиально не могут исследоваться теми же приемами, которые оказываются продуктивными для фонематического анализа, вследствие принципиального различия между фонемами, с одной стороны, и собственно лингвистическими единицами — с другой. Конституирующим для лингвистической единицы является ее двусторонность, т. е. наличие у нее не только определенной внешней формы, определенного закономерно построенного звучания, но и определенного значения. Конечно, и здесь следует с самого начала подчеркнуть, что материалистическое понимание двусторонности («билатеральности») языковой единицы, исходящее из реальности, материальности звуковой формы «обозначающего» и реальной, фактической внеязыковой обусловленности «строения обозначаемого» диаметрально противоположно идеалистическому пониманию двусторонности языкового знака как «двусторонности в себе» (*an sich*), т. е. как идеальной «функции двух функцивов», полностью и эксплицитно оторванной как от реального «вещественного» значения, так и от конкретной звуковой материи языка. Звуки же языка, в отличие от морфем, слов и т. д., не имеют собственного значения, представляют собой «односторонние» единицы, служащие лишь для различения звуковых оболочек слов и морфем. Структура обозначающего вследствие своей дискретности, прерывности принципиально отлична от структуры обозначаемого, которая имеет глобальный, непрерывный характер и потому не может, без игнорирования ее специфики, быть подвергнута последовательному «линейному» анализу¹. Это положение можно проиллюстрировать уже на соотношении фонологического и морфологического анализа речевого потока, т. е. на соотношении анализа звуков речи с разложением на п р е д е л ь н ы е и л и п р о с т е й ш и е языковые единицы, какими являются морфемы.

Как известно, с точки зрения собственно акустики, речевые сигналы непрерывны; они анализируются, членятся, воспринимаются как «дискретные» уже с точки зрения языкознания. Воспринимая речевой сигнал, лингвист может подвергнуть его фонематическому анализу, применяя для этого вполне точные методы современной фонологии. Теоретически рассуждая, лингвист, записав полученный звуковой сигнал, может перейти к его морфематическому анализу, что потребует одновременного проведения также и анализа «тактического», т. е. учета особенностей порядка следования и взаимного расположения морфем: операция уже гораздо более сложная, чем первая; можно сказать, что подобно тому, как с внешней стороны «речевой сигнал» представляет собой передачу в виде непрерывного потока дискретного ряда

¹ В этой связи, может быть, нелишне еще раз напомнить о том, что и фонемы не могут до бесконечности подвергаться анализу и разложению на «дифференциальные признаки», так как и им свойственна определенная глобальность (но, конечно, совершенно особого рода; см. по этому вопросу О. С. А х м а н о в а, Фонология, [М.], 1954, стр. 18). Следует также иметь в виду, что и в области, традиционно относимой к фонологии, имеются такие знаки, как степень интенсивности слогов, имеющая синтаксическую ценность (в смысле «*valueur*»), и интонация фразы, имеющие ценность морфем, т. е. соответствующие, например, польскому *czy* или готскому *-и*, русскому *ли*, немецкому *ob* и т. п.

фонем, сам этот ряд фонем (не имея самостоятельного значения для передачи смысла, а существуя только для того, чтобы служить внешней звуковой оболочкой для передаваемых носителей смысла — морфем и т. д.) выступит уже как средство передачи качественно отличного от него непрерывного же потока единиц высшего порядка — потока морфем.

Предположим теперь, что на этом новом уровне исследования привлечена так называемая «морфонология», которая рассматривает морфемы не как инварианты, т. е. не в отвлечении от тех конкретных вариантов (или «морф»), в виде которых они только и могут реально воспроизводиться в речи, а как конкретные единицы сообщения, представленные своими соответствующими вариантами на фонематическом уровне, т. е. в виде системы правил для перевода рядов фонем в ряды морфем. Предположим далее, что при нормальном слушании, без записывания и последующего специального исследования полученного речевого сигнала, морфонологический анализ включается автоматически после столь же автоматического «квантования» поступающего звукового потока на фонемы. Все равно и в этом случае самая существенная с лингвистической точки зрения часть всего процесса так и останется не только не проанализированной, но и принципиально не поддающейся анализу точными «линейными» методами, так и останется глобальной, принципиально недоступной переводу из непрерывного ряда в дискретный.

Это объясняется «произвольностью» языкового «знака», условностью связи между звучанием и значением (конечно, условностью с точки зрения природы самих явлений, с их физико-физиологической и логико-психологической, а не общественно-исторической стороны, где эта связь обусловлена).

Правда, в каждом языке имеются соотносительные ряды и пары вроде русских *друг* и *дружить*, дающие основание считать *друг-* и *друж-* вариантами (алломорфами) одной морфемы и определять *г/ж* как морфонологическое чередование. Такие случаи в каждом языке не являются единичными, а напротив, могут повторяться с известной регулярностью. Однако наряду с такими случаями в каждом языке может иметься какое угодно количество случаев типа, например, окончаний имени существительного в латинском языке, где выделить из данного звукового комплекса обозначение или выражение различий падежа и числа принципиально невозможно, а кроме того, и морфонологические чередования редко носят настолько общий и закономерный характер, чтобы явиться твердой основой для воспроизведения во всех подобных случаях. Напротив, можно сказать, что нестойкость такого рода чередований часто приводит к так называемым «аналогическим выравниваниям». Основанием для аналогического выравнивания является при этом то, что варианты мельчайших (предельных) языковых единиц — морфем нормально оказываются синхронически не обусловленными, выступают как результат «морфологизовавшихся» фонетических чередований. Поэтому морфонологические чередования, дающие варианты морфем (в отличие от вариантов фонем) объяснимы только исторически, тогда как варианты фонем не только вполне закономерно объяснимы, но и могут «предсказываться» на основе норм и закономерностей современного состояния языка, вследствие чего аналогическое выравнивание фонем принципиально невозможно.

*

Основной единицей языка и главным предметом лексикологии является слово. Хотя современный лингвистический структурализм и относится, в целом, скептически к возможности или даже надобности определения

и выделения слова как основной единицы языка, фактически именно слово выступает на первый план, как только речь заходит о «языковом знаке», о чем свидетельствует, в частности, дискуссия о природе лингвистического знака, проводившаяся журналом «Acta linguistica» в сороковых годах текущего столетия.

Изучение лексики (словарного состава) языка до сих пор значительно отстает от грамматики и особенно фонетики вследствие того, что до сих пор методы лексикологического исследования остаются мало разработанными. Особенно много разногласий вызывает вопрос о принципах и методах изучения значений слов. Можно ли говорить об «общем» или «основном» значении слова и какое конкретное содержание следует вкладывать в эти термины? Ведь слова реально даны нам в опыте в отдельных, частных, особых конкретных значениях. Как соотносятся между собой или, как предпочитают говорить некоторые, каким образом противостоят друг другу эти разные частные значения? Следует ли под «основным» значением понимать то из реально встречаемых в разных контекстах значение, которое является наиболее легко воспроизводимым, наиболее независимым от слов, в сочетании с которыми оно встречается, или же речь должна идти об «общем» значении, отвлекаемом от различных конкретных «воспроизведений» (или «реализаций») слова и стоящем как бы «над» ними? Можно ли, следовательно, говорить об иерархии разных значений слова и выделять в единовременном плане (т. е. не в плане исторической эволюции слова, а с точки зрения его синхронического функционирования в языке) центральные, или узловые, воспроизведения слова, противопоставляемые вторичным, производным, определяемым конкретными особенностями данного специфического контекста? И что значит «контекст»? Следует ли обозначать термином «контекст» так называемый «языковой контекст», т. е. особенности того «лингвистического окружения» — конструкции, управления, соединения с другими словами и т. п., — которыми обуславливается реализация у данного слова того или другого из его разных значений, или же под «контекстом» следует понимать ту или другую сферу употребления языка, как, например, сферу обычного повседневного общения, сферу определенной области науки или техники.

Несмотря на то, что есть очень большое количество работ самых разнообразных направлений, трактующих все эти вопросы в разных планах и аспектах, проблема описания лексической системы языка не разрешена еще ни для одного языка; до сих пор нет работ, которые содержали бы описание словарного состава хотя бы одного какого-нибудь языка в стройном и систематическом виде, т. е. так, как описываются обычно фонетическая и грамматическая системы разных языков. В связи с этим возникает еще и следующий вопрос: вызвано ли такое отставание лексикологии (по сравнению с грамматикой и фонетикой) чисто количественными моментами, т. е. огромным различием между числом единиц, изучаемых, с одной стороны, фонетикой и грамматикой, а с другой — лексикологией (как известно, число фонем ни в одном языке не превышает нескольких десятков, число грамматических категорий и, следовательно, категориальных форм также очень ограничено и поэтому легко поддается учету, тогда как число словарных единиц в развитых «культурных» языках доходит до нескольких сотен тысяч), или же здесь дело не только в количественных различиях, а имеются еще и внутренние причины, вследствие чего исследование и описание лексической системы языка оказываются более сложными, чем исследование и описание грамматической его системы и особенно системы фонетической. Ведь хотя под

«лексическим значением» представителями разных лингвистических направлений и понимаются разные вещи, в общем можно считать установленным и давно уже вошедшим в лексикографическую практику то, что одно слово может иметь несколько значений, т. е. принципиально признано, что одна и та же звуковая оболочка, один и тот же комплекс звуков вовсе не обязательно обозначает один род предметов или выражает одно какое-нибудь понятие, а может служить для обозначения разных предметов и выражения разных понятий без разрушения тождества слова, т. е. без возникновения двух или более разных слов — омонимов.

Это последнее обстоятельство заставляет думать, что дело не только в количестве единиц, но и в особенностях внутреннего характера. В самом деле, ведь если, например, слово *стол* имеет два значения («предмет обстановки» и «питание»), то исследователь оказывается здесь перед лицом двойного соотношения (или противопоставления): с одной стороны, противопоставления двух разных значений (или «семантических функций») одного и того же звукового комплекса [стол], а с другой — сопоставления (сближения) уже в семантическом плане двух разнозвучающих единиц — в нашем случае *стол* и *питание*. Далее вопрос о лексико-семантических отношениях в языке осложняется еще разного рода экспрессивно-стилистическими моментами; эти моменты особенно важны вследствие необходимости различать разные значения и разные употребления одного и того же слова. Если в приведенном выше примере (*стол* — «мебель» и *стол* — «питание») мы имели разные значения одного и того же слова, то в таких, например, «рядах», как *сокол* — «птица» и *сокол* — «летчик», *сплавить* (лес) и *сплавить* «избавиться», *сердитый* «гневный» и *сердитый* «крепкий», мы имеем, повидимому, экспрессивные употребления слов.

Хотя вопросов поставлено уже много, однако нельзя не указать еще и на следующий. Можно ли вообще выделять значение слов, абстрагировать его от тех реальных звуковых оболочек, в которые оно заключено, вести семасиологическое исследование в «плане содержания» (т. е. оперировать «значениями») отдельно от «плана выражения» (т. е. того реального звучания, с которым это значение связано)? Можно ли, следовательно, устанавливая две иерархии — одну, исходящую из «формы», т. е. звуковой оболочки слова, другую — из «содержания», или «функции». В приведенных примерах по первой иерархии значение «летчик» оказалось бы при таком подходе производным, вторичным по отношению к «птице», т. е. выступило бы в качестве «вторичной функции» «формы» [сокол]; по второй иерархии *сокол* в значении «летчик» оказалось бы вторичной формой (вторичной, производной звуковой оболочкой) для того значения или той функции, первичным средством выражения или осуществления (реализации) которой в русском языке является «форма» или звуковой комплекс [летчик].

Из разобранных примеров можно видеть, что даже в таком теоретически более простом случае, как разные употребления слова, т. е. когда иерархия «смыслов» легко устанавливается без обращения к диахронии (в таких случаях не может быть сомнения в том, что употребление слова *сокол* для обозначения «летчика» есть производное, вторичное его употребление, в отличие от разных значений слова, где исторически первичное может оказаться синхронически вторичным; см., например, слово *вера* в словаре Ожегова), — и то картина получается достаточно сложная, почему трудно с какой бы то ни было степенью ясности представить себе распространение приведенного эскиза на весь словарный состав языка. Однако практическая сложность осуществления не может быть препят-

ствием для принятия той или другой системы исследования, если теоретически она оказывается вполне обоснованной.

Из сказанного отнюдь не следует, что в настоящей статье имеется в виду дать полный ответ на все затронутые общие вопросы, т. е. вообще определить, что следует понимать под значением слова, как вообще связаны между собой разные значения слова, какую роль играет в их различии и определении контекст и что вообще следует понимать под контекстом, а также и такие более специальные вопросы, как возможность отделения лингвистического значения от того или другого звучания в целях отдельного их рассмотрения и т. п. В общем виде ответы на эти и подобные вопросы можно найти в специально посвященных им исследованиях, среди которых следует выделить статью акад. В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова»¹ и статью проф. А. И. Смирницкого «Значение слова»². В настоящей же статье все эти вопросы затрагиваются только в той мере, в какой это необходимо для изложения ее основной темы — вопроса об изоморфизме лингвистических категорий в связи с вопросом о методе лексикологического исследования.

*

Для понимания общего направления развития методов лексикологического исследования в неососюррианстве до сих пор не утратила своего значения статья С. Карпевского «Du dualisme asymétrique du signe linguistique»³. Последовательно применяя охарактеризованный выше принцип тождества-различия, С. Карпевский предлагает следующее решение вопроса.

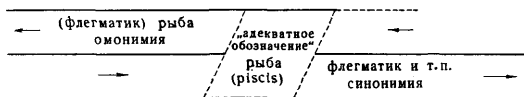
Каждый лингвистический знак имеет определенное присущее ему содержание и потому по своей природе он должен быть способен к сохранению тождества во всех различных и многообразных своих «функциях». Однако, хотя тождество знака во всех его функциях и сохраняется, применяясь каждый раз к новым условиям конкретного «функционирования», он оказывается способным покрывать целую совокупность более или менее новых представлений. [При этом потеря тождества, т. е. возникновение омонимии в обычном смысле этого слова, возникает только в тех случаях, когда «транспозиция семантической стороны знака», расширение совокупности обозначаемых предметов мысли переходит границы, допускаемые адекватным, или узуальным, содержанием (valeur) знака.] Таким образом, основой функционирования знака в системе языка оказывается его способность одновременно включаться в два ряда — омонимический и синонимический: в той мере, в какой знак все время стремится выполнять другие функции, кроме непосредственно ему принадлежащей, он становится членом омонимического ряда; в той же мере, в какой адекватно обозначаемое им может выражаться и другими знаками, он оказывается в синонимическом ряду. Знак, собственно, вообще создается, «конституируется» перекрещиванием (croisement) этих двух рядов. Так, например, употребление слова *рыба*, адекватным, или узуальным, значением которого является «piscis», для характеристики человека даст одновременно как транспозицию в омонимический ряд, так и увеличение синонимического ряда, включающего такие слова, как *флегматик*, *вялый*, *бесчувственный*, *холодный* и т. д.

¹ ВЯ, 1953, № 5.

² ВЯ, 1955, № 2.

³ S. K a r p e v s k i j, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, «Travaux du Cercle linguistique de Prague» (TCLP), I, 1929.

Графически это изображается так:

Выше было уже сказано о том, что вопрос о значении (и значениях) слова не может рассматриваться (и тем более решаться) помимо вопроса о «контексте», в связи с чем важной является оценка различных пониманий этого термина. Здесь нет возможности сколько-нибудь подробно остановиться на этом сложном вопросе, в частности подробно рассмотреть такие понятия, как «контекст ситуации» в отличие от «лингвистического контекста», но надо все же обратить внимание на следующее. Хотя сфера употребления слов (то, что в современной американской лингвистике обозначается термином «lexical clusters») и имеет вполне определенное значение для лексикологии (так, например, достаточно снабдить слово *угол* пометой *мат.*, чтобы было ясно, что имеется в виду не то, что это слово обозначает в повседневной речи, в таких, например, фразах, как *удариться об угол, встать в угол* и т. п.), для изучения вопроса о лексических значениях слова гораздо важнее контекст лингвистический. Обратимся к примеру С. Карцевского: ведь *рыба* может значить «флегматик» и т. п. только в предикативном употреблении (по терминологии В. В. Виноградова, только как синтаксически обусловленное значение)¹. Кроме того (и это в нашей степени убедительно показано В. В. Виноградовым в указ. статье, стр. 22), «семантическая транспозиция», «расширение объема», «умножение функций» и т. п. слова вовсе не представляет собой единой непрерывной линии — линии от начала до конца омонимической. Напротив, на этой линии вполне определенно «откладываются» такие принципиально различные категории (категории подвижные и исторически изменчивые, непрерывно сдвигающиеся и переходящие одна в другую), как 1) разные употребления слова; 2) разные значения слова и 3) собственно омонимия, выступающая уже как своего рода нарушение нормального функционирования слова (в отличие от его разных значений и употреблений, являющихся нормой).

*

Теперь следует перейти к остальным двум из поставленных общих вопросов, которые и являются наиболее существенными для основного содержания настоящей статьи. Во-первых, это вопрос о соотношении между звуковой оболочкой слова (или «планом выражения») и выражаемым им значением (т. е. «планом содержания»). Этот вопрос был поставлен здесь так: можно ли для удобства исследования реально разделить эти два плана и считать, например, значение «флегматик» для [рыба] производным по отношению к значению «piscis», т. е. вторичной функцией формы [рыба] и, напротив, считать форму [рыба] в значении «флегматик» вторичной формой, т. е. вторичной, производной звуковой оболочкой для того значения или функции, первичным средством реализации которого в русском языке является форма или звуковой комплекс [флегматик]? Ведь, как уже неоднократно указывалось выше, всякого

¹ То же будет относиться *mutatis mutandis* и к «формальному значению». *Молчать!* может быть синонимом *молчи* только при наличии особой интонации, отличной от той, с которой это значение может выражаться формой повелительного наклонения, т. е. *молчи* (С. Карцевский, указ. соч., стр. 93).

рода расчленения сложного комплекса, сведение (редукция), разложение его и т. п. может способствовать точности исследования и даже придавать ему математический характер.

Сказанное может явиться предпосылкой и для ответа на последний из поставленных вопросов: не обусловлено ли отставание лексикологии по сравнению с фонетикой просто большим количеством и разнообразием единиц, составляющих объект ее изучения. Может быть, вопрос только в том, чтобы найти такой метод разложения и объединения частей словарной системы языка, который позволил бы анализировать их такими же точными методами, как те, которые применяются в области фонетики. Ведь выше было уже сказано о том, что, например, между словом-лексемой *стол* и звуком-фонемой *а* имеется то общее, что к обоим могут быть применены понятия варианта-инварианта и что различные их воспроизведения в речи могут отличаться (отделяться) от воспроизведений в речи сходных с ними в том или другом отношении других лексем и фонем на основе общих понятий тождества и различия¹. Ясно также и то, что и морфема (например, морфема, реально выступающая в таких своих вариантах, как *друг- /друз-/ друз-*), может мыслиться и фигурировать в описании в виде инварианта, обозначенного каким-либо условно выбранным ее вариантом. Но на этом параллелизм, аналогичность, изоморфизм и т. п. этих различных лингвистических категорий кончается. Значение таких лингвистических единиц, как морфема и особенно слово, немислимо без соотнесения данного звукового комплекса, данной звуковой оболочки с внеязыковой действительностью, а это соотнесение принципиально не может производиться по частям: слова и морфемы «непрерывны», «глобальны», они «обозначают» целиком, а не «линейно», не по частям². Поэтому представляется несомненным, что настойчивые попытки глоссематиков «очистить» языковой знак от «всякого соприкосновения с субстанцией», освободить Ф. де Соссюра от его «материалистических непоследовательностей» ничего не могут дать языкознанию как науке о подлинном человеческом языке и могут быть полезны только для новых изощрений логического позитивизма. Не касаясь здесь сложного вопроса об оттенках того, что разные авторы понимают под «обозначающим» и «обозначаемым», под «произвольностью» и «психическим», в целом можно с полным основанием утверждать, что даже в дискуссии, организованной журналом с явно идеалистической общей ориентацией («Acta linguistica»), большинство склонилось к невозможности исключения обозначаемого предмета (будь то *chose designée* или *chose signifiée* или *thing meant* или еще как-нибудь)³.

¹ Вопрос об изучении синтаксиса на основе изоморфизма его с фонологией требует отдельного рассмотрения и имеет большую литературу. См., например: С. Е. В а z e l l, On the neutralisation of syntactic oppositions, TCLC, vol. V, 1949; ег о ж е, The fundamental syntactic relations, «Casopis pro moderní filologii», R. 33, 1949, č. 1; ег о ж е, Syntactic relations and linguistic typology, «Cahiers F. de Saussure», 8, 1949; J. C a n t i n e a u, Les oppositions significatives, «Cahiers F. de Saussure», 10, 1952, и др.

² Для простоты изложения здесь не затрагивается вопрос о сложных и производных словах, которые теперь весьма настойчиво предлагается рассматривать в синтаксисе. О неправомерности такого понимания, т. е. о необходимости рассматривать все слова, включая и сложные, а тем более производные, в лексикологии см. О. С. А х м а н о в а, К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. (На материале англ. и швед. языков), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», М., т. IV, 1954 и особенно цитируемую в статье литературу.

³ Ср.: Е. B e n v e n i s t e, Nature du signe linguistique, «Acta Linguistica» (AL), vol. I, fasc. 1, 1939; A. H. G a r d i n e r, De Saussure's analysis of the signe linguistique, AL, IV, 1944; E. L e r c h, Vom Wesen der sprachlichen Zeichens. Zeichen oder Symbol? AL, I, fasc. 3, 1939; P. N a e r t, Arbitraire et nécessaire en linguistique, «Studia Linguistica», Lund — Copenhague, 1947, № 1 и др.

При этом следует заметить, что для утверждения о якобы несовместимости допущения внеязыкового предмета с представлением о двусторонности языкового знака нет никаких оснований. Включение в лингвистическое исследование значения, как отраженных человеческим сознанием и связанных с определенным звучанием элементов действительности, вовсе не предполагает необходимости исходить либо из звука, либо из значения, а вполне допускает возможность согласно и одновременно учитывать и то и другое¹.

Среди работ, трактующих вопросы анализа языковых категорий, особо следует выделить работу Ж. Фурке², ценную последовательной критикой механистического подхода к вопросу об изоморфизме, основанном на глоссематическом понимании инвариантов-вариантов. Фурке, исходя из подробного рассмотрения методов фонологического анализа, приходит к выводу, что фонология обладает особыми, свойственными ей закономерностями, определяемыми характером исследуемого ею объекта — звукового, однолинейного, «разновременного».

Так же как и фонология, лексикология должна быть объективной и исходить из закономерностей, определяемых особенностями исследуемого ею объекта. При этом следует иметь в виду то, что исследование словарной системы языка представляет трудности несравненно большие, чем изучение его звуковой системы, так как: 1) здесь отсутствует элемент позиции, последовательности. Исследователь оказывается уже не в области последовательного, линейного и т. д., а в области глобального, одновременного (*simultané*), почему принципиально неправильными являются попытки установления изоморфного метода, равно пригодного для этих принципиально различных разделов языкознания; 2) сообщение значения гораздо сложнее, чем сообщение звуков: мы знаем новое слово с точки зрения его звуковой оболочки, как только мы осознали, из каких фонем оно состоит; значение же слова раскрывается для нас постепенно, через целый ряд контекстов его употребления, и может долгое время оставаться, а иногда и вообще остаться для нас не раскрытым до конца; 3) точно так же, как фонология не могла бы возникнуть, если бы ей на помощь не пришли анатомия и физика, и лексикология не может оформиться как наука без помощи психологии и социологии.

То, что Фурке говорит о помощи «социологии» как существенной для построения научной лексикологии, не обязательно должно быть принято буквально, а заслуживает упоминания потому, что показывает на необходимость разработки науки о словарном составе языка в неперенной связи с лингвистическими факторами, т. е. в первую очередь — с объективно существующей реальной действительностью. Поэтому в основе лексических значений слова лежат его прямые номинативные значения, «...как бы непосредственно направленные на „предметы“, явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отра-

¹ О неправомерности обозначения термином «язык» системы, единицы которой не были бы никак связаны ни с психическими субстанциями, ни с звуковой субстанцией (в плане выражения), см. A. Martinet, *La double articulation linguistique*, TCLC, vol. V, 1949. Мартинэ совершенно справедливо указывает на полную неприемлемость для большинства лингвистов тезиса о том, что фоническая субстанция зарегистрированных ими лингвистических систем не представляет якобы для них интереса. Лингвистика не может не видеть в фонологии обязательного раздела всякого лингвистического описания.

² J. Fourquet, *Analyse linguistique et analyse phonologique*, TCLC, vol. V, 1949.

жающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений¹.

В заключение необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Уже в лингво-философских построениях В. Гумбольдта центральное место занимало понимание языка как системы, противопоставлявшееся более старым «атомистическим» концепциям. Теперь «системный характер» языковых явлений представляется настолько несомненным, что в общем по этому вопросу сходятся все лингвистические направления, признающие реальность языка и языков (атомистические концепции сохраняются, пожалуй, только в неолингвистике, на которую не распространяется эта оговорка). Но сходясь в общем по вопросу о системном характере языка, идеалистическое языкознание и материалистическое расходятся и в самом понимании этой категории и тем более в том, как и для чего система должна исследоваться и определяться. Для марксистского языкознания система в языке — это совокупность реально существующих языковых фактов, исторически развивающаяся и поддающаяся стройному описанию лишь в той мере, в какой те или другие системные отношения реально оформились и определились (почему, например, вовсе не всегда и не обязательно можно разнести по рубрикам «фонологических противопоставлений» все звуковые явления того или другого языка и почему, также, конкретное описание словарной системы хотя бы одного конкретного языка никому еще не удавалось). Для идеалистического же языкознания система не выводится из фактов, а факты подводятся под систему, которая мыслится как статическое и часто искусственное распределение по рубрикам разного рода «соотношений» и «противопоставлений» на основе априори заданных принципов «удобства», «эффективности», «изоморфизма», «простоты» и т. п.

¹ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, стр. 12.

Изложенное в этой работе понимание лексического значения слова и его типов, значения слова в отличие от его употребления, классификация основных видов или типов контекста — фразеологического, конструктивного и синтаксического — и вытекающие отсюда принципы лексико-семантического анализа являются очень важными для развития данной области языкознания.